

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

УДК 726.05:271.2-788(470)

ББК 85.11:86.372г(2)

Н.А. Петров-Спиридонов, Н.А. Коротаев

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы архитектурной эволюции православных монастырских комплексов и храмов и функционально сопряжённых с ними зданий на территории России в отношении к некоторым значимым событиям в истории монашеского подвижничества. Рассмотрены опосредованные связи между развитием монашеских общежитий и возникновением качественных переходов в типологии храмов в различные периоды. Предложена базовая логическая модель формирования идейных и архитектурных импульсов, определявших качественные переходы на различных этапах развития русского храмового зодчества для избранных ситуаций. Оценка исследуемых явлений с точки зрения базовой логической модели включает в себя комплекс параметров религиозного, функционального, архитектурно-художественного, семантического и средового характера. Произведен анализ перспективного использования полученных результатов для развития современного проектирования православных храмов и монастырских комплексов.¹

Ключевые слова: храмовое зодчество, Русская Православная Церковь, монастыри, архитектурная типология, стили архитектуры, история храмовой архитектуры XI-XXI вв.

THE FORMATION AND EVOLUTION OF SPATIAL ORGANIZATION OF RUSSIAN ORTHODOX MONASTERIES

N.A. Petrov-Spiridonov, N.A. Korotaev

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the architectural evolution of the Orthodox monasteries and functionally related buildings on the territory of Russia in relation to some significant events in the history of monastic asceticism. An indirect links between development of the monastic dormitories and the emergence of qualitative transitions in the typology of temples in different periods are considered. The basic logical model of the formation of ideological and architectural impulses that determined the quality of the transitions at various stages of development of Russian Church architecture for selected situations done. Assessment of the investigated phenomena in terms of a basic logic model includes a set of religious, functional, architectural, semantic and environmental parameters. The analysis of the prospective use of the results on the development of a modern design of Orthodox churches and monasteries carried out.²

Keywords: Church architecture, Russian Orthodox Church, monasteries, architectural typology, styles of architecture, history of architecture from the XI to the beginning of the XXI century

¹ **Для цитирования:** Петров-Спиридонов Н.А. Формирование и эволюция пространственной организации русских православных монастырей / Н.А. Петров-Спиридонов, Н.А. Коротаев // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №2(43). – С. 62-86 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2018/2kvart18/04_petrov_korotaev/index.php

² **For citation:** Petrov-Spiridonov N.A., Korotaev N.A. The Formation and Evolution of Spatial Organization of Russian Orthodox Monasteries. Architecture and Modern Information Technologies, 2018, no. 2(43), pp. 62-86. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2018/2kvart18/04_petrov_korotaev/index.php

Введение в проблематику

Актуальность данного исследования состоит в детальном разборе факторов эволюции храмового зодчества в отношении типологии общей композиции монастырей для исторических ситуаций развития обителей, созданных монахами-подвижниками. Направление исследования и истоки исследуемых явлений можно представить, в частности, по цитате из статьи Митрополита Саратовского и Вольского Лонгина (Корчагина): «Нужно ли говорить о том, что преподобный Сергей пришёл на Маковец не для того, чтобы основать Троице-Сергиеву Лавру? Он пришёл спасать свою душу, но «побочным» результатом этого стало возникновение Лавры» [1]. Таким образом, монашеская жизнь Преподобного может рассматриваться как опосредованный во времени, но необходимый по смыслу источник развития лаврской архитектуры.

Статья посвящена уяснению взаимосвязи первоначальных, часто «отшельнических» этапов создания отечественных православных монастырей и их последующего архитектурного развития и формирования. Подобная постановка вопроса потребовала привлечения обширного и в основном поневоле обзорного материала, вследствие чего не все утверждения авторов детально аргументированы. В сущности, в статье предлагается концепция рассмотрения общей специфической стадийности развития архитектуры и композиции для православных монастырей в России в часто имевшей место в древности и средневековье ситуации развития монастыря от одного или единичных монахов-подвижников. Проведены параллели с синодальным периодом.

История развития композиции Лавры сразу являет как минимум два витка, различающихся не только хронологически, но и в смысле соотношения собственно монашеской жизни и архитектурно-строительной деятельности. Первый – это этап внутреннего развития обители, созревание монашеского «ядра» – от основания до закладки преподобным Никоном Троицкого собора. Второй – привлечение колоссальных по тому времени сил и средств на возведение Успенского собора и рост обители (рис. 1).

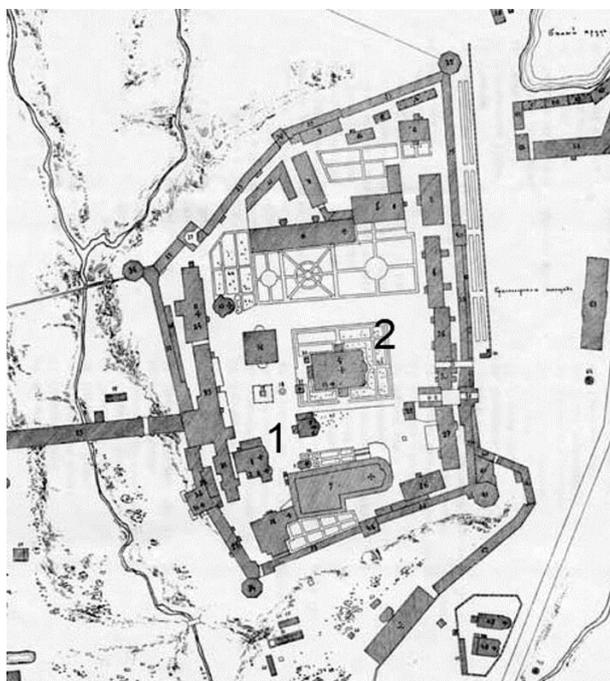

Рис. 1. План Троице-Сергиевой Лавры. Характерная особенность – планировочная асимметрия: первичное композиционное «ядро», Троицкий собор 1422-1423 гг. (1) несколько не является формальной пространственно-геометрической доминантой в нынешней композиции. Центральное место занимает заложенный в 1559 году Успенский собор (2). При этом самым почитаемым храмом остается Троицкий собор

Аналогичная ситуация прослеживается для множества монастырей – этап активного строительства и созревания архитектуры, как правило, начинался далеко не сразу после формирования подвижнического «ядра» монастыря. Минимум десятилетия, а чаще 100-150 лет проходили от основания обители до возведения крупных храмов и формирования собственно монастырских комплексов. Естественно, за такой период времени в обществе вызревали технологические новшества и ранее отсутствовавшие идеи архитектуры. Вливаясь в атмосферу существующего монастыря с притоком внешних людей и благотворителей строительства, эти импульсы ложились на «почву» духовной жизни и характерного уклада обители и расцветали в особом своеобразии, что приводило к индивидуальности и неповторимости архитектурных решений «местных школ» или «местных артелей».

Считать монастырскую архитектуру только «внешней», привнесённой на 100% ктиторами или правителями, на наш взгляд, не всегда корректно. И также не корректно считать монастырскую архитектуру и строительство каким-то обрядовым, ритуальным «тайнодействием», которое якобы велось за закрытыми наглухо воротами в секрете от общества и по идеологии неких маргиналов, не вступающих в контакт с населением. К сожалению, в огромном числе работ до 1990-х гг. было невозможно говорить о монашестве как некоей «депутации» от населения с церковным предназначением, добровольной, но всё равно теснейшим образом связанной с социумом.

Новизна работы состоит в попытке систематизации факторов эволюции типологии для названных объектов путем создания универсальной логической модели. Основным требованием к разрабатываемой модели анализа эволюции зодчества (для названных ситуаций) является её потенциальная применимость к различным периодам и местностям, т.е. максимально возможное отсутствие граничных условий её применения. На основе использования понятий и критериев разработанной модели сделана попытка раскрытия и распознавания потенциальных возможностей старорусского зодчества применительно к современному проектированию храмов и сопутствующих комплексов.

Задачами работы являются:

- а) оценка потенциального влияния «скрытых» этапов монастырского развития на дальнейшие качественные переходы архитектуры, определяющие изменение типологии;
- б) выявление по возможности конкретных факторов эволюции храмовой типологии и типологии сопутствующих зданий жилого, социального и хозяйственного назначения в монастырях;
- в) оценка степени понимания и наследования в современном проектировании и строительстве типологических свойств названных объектов храмового зодчества.

В силу исторической специфики XX века большинство научных работ в областях, связанных с предметом данного исследования, можно поделить на несколько категорий:

А) Категория работ после 1990 года, не исключаяющих из их рассмотрения религиозные составляющие архитектуры.

А1. Работы общетеоретического, принципиально не оторванного от богословия характера, затрагивающие идеалистические и религиозные категории как фактор эволюции архитектуры храмов. К числу таких работ относятся работы И.А. Бондаренко, Т.Н. Вятчаниной, Н.Ф. Гуляницкого, С.В. Заграевского, Л.Б. Сукиной, Д.О. Швидковского, А.С. Щенкова и др. [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8];

А2. Работы более узкого аналитического характера, сфокусированные на отдельных обобщениях и систематизации групп фактов в области храмоздательства, в том числе на специфике монастырской архитектуры – А.Л. Баталова, И.Л. Бусевой-Давыдовой, С.В. Заграевского, Н.Л. Павлова, Д.А. Петрова, Л.А. Секретарь и др. [9, 10, 11, 12, 13, 14].

Б) Категория описательных и реставрационных исследований в целом аналогичных между собой с 1920-х по 2010-е годы, в которых исследования имеют либо археологическо-описательный уклон и не затрагивают религиозные, богословские

аспекты, либо исследования посвящены конкретным реставрационным проблемам конкретных памятников. К числу широко известных работ этой категории относятся работы П.Д. Барановского, В.А. Бурова, В.В. Кавельмахера, П.А. Раппопорта, О.Д. Савицкой и др. [15, 16, 17, 18, 19].

В) Исследования ученых-гуманитариев XX века, непосредственно не являвшихся историками архитектуры либо архитекторами, но в силу широкого гуманитарного охвата обладавшими уникальными возможностями обобщений в области архитектуры и её значения для общества, таких как Д.С. Лихачёв, Е.Н. Трубецкой, Л.А. Успенский, отец Павел Флоренский, и др. [20, 21, 22, 23]. Работы этого круга, как правило, не посвящены вопросам, прямо или косвенно касающимся монастырской архитектуры как таковой, но они в некоторых случаях содержат универсальные обобщения, отсутствующие в работах только архитектурной направленности.

Необходимо сразу сказать, что рассуждения о монастырском зодчестве вовсе не подразумевают противопоставления зодчеству приходскому, городскому и т.д. Если и может быть разговор о «противопоставлении», то только в отношении *директивного* строительства и *внутреннего* развития монастыря с доминированием монастырской атмосферы и мотиваций внутреннего характера.

Существование определённых *стереотипов* неизбежно в любом развитии науки; относительно архитектуры это выражается в частности в присвоении «директивным», в административном отношении, и наружным в отношении стилистическом и художественном, мотивациям развития (монастырей) много большего значения, чем мотивациям и процессам скрытого внутреннего развития.

Очевидно, следует сказать и о том, что некорректное представление роли и устройства церковной жизни существенно мешают научному анализу. Попытки рассматривать Церковь как «собес капиталистического общества» или как средство проведения в «массы» неких имперских или патриарших идей беспочвенны в принципе [1]. Изыскивая в храмоздательстве мотивации, которых не могло быть, исследователь может в итоге прийти к изучению собственных представлений о Церкви и не более. В 1917–1990 годах стандартным вариантом становился разговор о Церкви как некоей политической силе, воздействующей на народ. Спасение души, покаяние, Таинства вовсе исключались из круга допустимых понятий. *Стереотипными* делались и рассуждения о монастыре как об архитектурном комплексе градостроительного назначения и, в сущности, неопределяемого генезиса, внутрицерковные причины формирования и развития монастырского зодчества в большинстве случаев не рассматривались.

Примеры монастырей, чье устройство и архитектура изначально имели «директивное» происхождение

В работе использован пример трёх монастырей, чья архитектура имеет отчётливо выраженное директивное происхождение: Сырков монастырь Великого Новгорода (рис. 2), Крестный монастырь на Кий-Острове (рис. 3) и Валдайский Иверский монастырь (рис. 4). Первый возведен Сырковым по обету в середине XVI века, два другие явились результатом «программы Никона», если принять терминологию И.Л. Бусевой-Давыдовой [10]. Соборы возводились сразу. В любом случае, для этих монастырей характерно отсутствие длительной, порядка века, предыстории развития архитектуры («латентной» фазы) при наличии изначального всплеска духовной жизни – монашеского подвига и последующего формирования братии не по директивным установкам, а по собственно монастырским критериям.

Рис. 2. Владимирский собор Сыркова монастыря, Великий Новгород, 1554 г. Фото XIX века. Имеются предположения о существовании на этом месте монастыря ранее, но явных подтверждений пока не найдено [14]. Маловероятно, что обетный храм был бы поставлен Сырковым «поверх» существующего, т.е. все говорит в пользу гипотезы директивного строительства

Рис. 3. Крестовоздвиженский собор Крестного монастыря на Кий-Острове, Онежский залив. 1660 г. Современное фото

Согласно И.Л. Бусевой-Давыдовой, «Воплощением этой политики (*исправления «испорченной» русской архитектуры* – выделено нами) стали соборы никоновских монастырей, возведенные по заказу патриарха <...> Идейный замысел Никона – сосредоточение на Руси греко-палестинских реликвий, наследование традиций и авторитета греческой Церкви – должен был получить соответствующее ему архитектурное оформление. <...> Собор Крестного монастыря величественен и

непротиворечив в своем аскетизме: четкость объемов, лапидарность форм, немногочисленность членений прекрасно выражают идеал праведной монашеской жизни. Резкие горизонталы карнизов, «приземляющие» здание, придают ему статичность, но главы с крестами и расположение собора на вершине холма связывают его с небом, способствуют устремленности вверх. Иверский собор наряднее: три шатровых крыльца, «теремки» фронтонов над закомарами, декоративный пояс под ними создают иной образ, более приветливый и открытый. Возможно, разница решений обуславливалась местонахождением храмов (суровая скала на северном море и «зело прекрасный» остров одного из чудеснейших озер Среднерусской возвышенности)» [10] (рис. 3 и 4). Далее: «Торжественное перенесение мощей св. Филиппа в 1652 году в Москву и разработанная патриархом сцена «покаяния» Алексея Михайловича перед гробом митрополита <...> недвусмысленно свидетельствуют об идеологической подоснове этого мероприятия и о программном характере обращения Никона к архитектуре Соловков» [10].

Возможно, «программное обращение» Никона к соловецкой архитектуре и существовало, или о нём есть смысл говорить как о гипотезе, но *оно не состоялось фактически*, если присмотреться к результатам. Вероятнее всего, помехой в достижении уровня «соловецких» результатов была директивность и поспешность развития вновь возводимых Никоном монастырей, т.е. одной внешней рефлексии на соловецкую красоту без внутреннего развития проектной составляющей оказалось, на наш взгляд, недостаточно.

Далее кратко рассмотрим некоторые особенности Иверского Валдайского монастыря (рис. 4).

Рис. 4. Иверский Валдайский монастырь. Вид с птичьего полета на обитель и прилегающий ландшафт

Прослеживается как алогичность генплана внутри монастырской стены, так и в целом алогичным представляется расположение главной оси монастыря по линии запад-восток. На наш взгляд, расположение стен монастыря «кораблем» по направлению север-юг вдоль восточной части островка принципиально улучшило бы генплан и создало бы композицию, подобную композиции Соловецкого монастыря (пусть в зеркальном варианте). Это, возможно, и произошло бы при наличии времени на осмысление генплановой задачи, но быстрое директивное устройство монастыря привело к имеющемуся результату.

Например, Соловецкий Спасо-Преображенский собор, как и Успенская Соловецкая церковь (соборная от момента постройки до освящения Спасо-Преображенского собора), – это архитектурные события другого ряда и другой гармонии (рис. 5, 6, 7). Помимо различий общих форм есть сильнейшее различие наполнения в отношении тонкости восприятия среды и выраженности религиозного чувства. Соловецкие храмы, как в отношении архитектурно-художественном «светском», так и в религиозном намного ярче. Архитектура Соловецкого монастыря не просто «раскрыта», она в полную силу использует эффекты отражения сложного беломорского освещения крупными плоскостями, буквально отображая состояние неба [24]. Облик собора невольно рождает размышления о том, что зодчие достигли значительного успеха в части семантического наполнения архитектуры образом *Града Небесного*.

Рис. 5. Соловецкий монастырь, 2011 г. Вид с запада

Рис. 6. Спасо-Преображенский собор, Соловецкий монастырь. 1558 - 1566 гг. Июнь 1993 г.

Можно рассматривать успех соловецких зодчих (сравнивая три упомянутых собора в п. 3 и Соловки), объясняя всё различиями строительных навыков. Так, Д.А. Петров считает

Владимирский собор Сыркова монастыря «побратимом» Соловецкого собора по годам, по мастерам и даже по архитектурно-художественным подходам [13]. Но, если не включать в рассмотрение монашескую «подоснову», серьёзный духовный труд преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, мы, очевидно, можем недооценить вклад весомых факторов. Как бы ни было сложно их выявить, т.к. они опосредованы во времени, отдалены отстроек и не фиксируются, как правило, источниками, факторы воздействия монашеского подвига через создание определённой атмосферы, через мысли оказывают влияние на итоговое формирование проектных решений при взаимодействии «мира», приходящего в монастырь в облике артели, и непосредственных монастырских заказчиков.

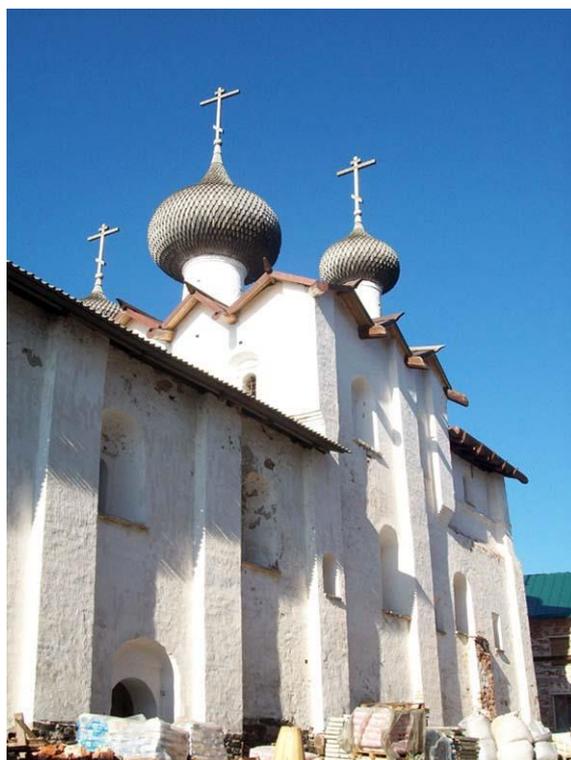

Рис.7. Успенская церковь (изначально соборная), Соловецкий монастырь. 1552-1557 гг. Июнь 2015 г.

Так, собор Сыркова монастыря и упомянутые иконописные соборы (п. 3), между которыми целый век, по отношению к соловецкой архитектуре можно обобщить одним словом – они намного более «сырые», не доведённые до звонкости, слитой с небом соловецкой гармонии зодчества. Во всяком случае, это повод задать вопрос: какова же роль собственно монашеского развития в достижении этой гармонии, отличающей в данных случаях «внутреннее» монастырское зодчество от «директивного»?

Возможно, «монашеское» объяснение имеет и загадка Соловецкого монастыря – в том смысле, что ностальгическая реплика Новгорода через три четверти века после разгрома республики вряд ли была только целевой программой новгородских артелей без участия св. игумена Филиппа. Точнее, маловероятно, что новгородский вкус, ушедший, казалось бы, в прошлое, возродился бы в умах руководителей каменного строительства, если бы их восприятие ограничивалось сиюминутной мирской заботой угодить Государю или кому-либо из влиятельных людей. Отрицать наличие глубокомыслия, свойственного людям высокой духовной жизни (в принятых решениях проектов), наверное, некорректно.

Логическая модель для описания и унификации рассматриваемых проблем

Относительно монастырей существует весьма сложный момент – общее впечатление пространства; это в любом случае остается субъективным впечатлением каждого человека. Тем не менее, можно сказать, что внутри старинных монастырей, развивавшихся от монахов-отшельников, почти всегда ощущается некий «узел бытия». В Валдайском монастыре огромное пространство будто бы просит образовать где-то такой «узел бытия», т.е. возникает ощущение, что будто бы он ещё не до конца организован. Разумеется, мы не станем беспартийно утверждать, что это напрямую связано с директивностью появления монастыря; но размышления в этом направлении, на наш взгляд, не лишены смысла, хотя бы с точки зрения накопления навыков для современного проектирования. Возвращаясь к композиции Троице-Сергиевой Лавры, мы можем привести хрестоматийный пример Троицкого собора именно как явного «узла» всего лаврского бытия и средоточия религиозных переживаний миллионов верующих.

В качестве основной составляющей рабочей гипотезы была разработана логическая схема, позволяющая увязать между собой, пусть в несколько идеализированном виде, стандартный с XI до как минимум XVIII века набор факторов локальной эволюции зодчества в пределах одного крупного монастыря, начинавшегося не «директивно», а от единичных монахов-отшельников, селившихся в отдалении от поселений. Данную модель мы условно именуем «*подвижническо-центрической*». Это означает, что во главу угла поставлены мотивации духовного, внутрицерковного развития композиции монастыря.

Есть особая ситуация развития храмоздательства и сопутствующих зданий социального назначения, также не сопоставимая с директивным развитием «извне». Речь идет о деятельности особо чтимых подвижников, таких как Василий Великий, *духовный опыт* которых приводил к решениям о единовременном строительстве монастырей или комплексов социального назначения. Духовный опыт и сами мотивации *сознательного с точки зрения внутрицерковной жизни* устройства социальных служб при храме плохо сопоставимы с мотивациями идейно-политических «мирских» программ, пусть и включающих в себя храмоздательство в сочетании с социальной деятельностью. О Василии Великом читаем: «В 372 году наконец был построен знаменитый комплекс, получивший позже название «Василиада». <...> В центре больничного комплекса стоял великолепный храм, а вокруг – здания, пансионы-гостиницы, школы, дома для сирот, дома для неимущих и собственно больница.» [25]. В любом случае, основой эволюции типологического ряда в данном примере следует считать духовный опыт и стремление организовать церковную жизнь как первооснову, с включением служения социальной направленности (и, естественно, комплексов зданий) как её части.

В VI в преподобный Феодосий Великий, согласно житию, устроил странноприимные дома, отдельные больницы для иноков и мирян, а также убежища для престарелых, когда его монастырь в Палестине разросся и стал именоваться Лаврой. В его житии упоминается «большая» церковь, очевидно, это подразумевает и малые – другой тип, где служили на разных языках [26]. Это пример также показывает влияние монашеского мировоззрения на эволюцию типологического ряда и храмов, и сопутствующих зданий.

Во многих агиографических источниках в смысле изначальных посылов созидания монастырских храмов явно просматривается религиозная мотивация монаха: «не моя воля, но Твоя да пребудет». Так, преподобному Зосиме Соловецкому было видение храма на месте Спасо-Преображенского собора; преподобному Иосифу Волоцкому через посланца место возведения монастыря было показано ударом молнии, и подобных знамений о местах строительства храмов в житиях существует множество. Далеко не все исследователи согласны считать агиографические источники объективным материалом, поскольку «проверить экспериментально» сами факты имевших место знамений невозможно. Но независимо от того, какую степень достоверности видит каждый исследователь в агиографических текстах, в них проявляется объединяющая мысль о том, что поиск воли Божией, сознательно осуществляемый монашествующими на

определённой ступени совершенства, мог быть абсолютно легитимной мотивацией и для зодчества в опосредованном виде. Не случайно в архитектуре многих древних храмов нет присутствующего в некоторых произведениях нового и новейшего времени сочетания настырности и одновременно бессилия. О старинной монастырской архитектуре вполне можно сказать, что она «умеет» по-иному «видеть в каждом человеке бога после Бога» (эта фраза – один из неписанных идеалов монашеского устройства жизни). Не секрет, что в новейшем времени некоторая архитектура *хочет видеть только себя*.

Стандартный подход к толкованию вопросов эволюции архитектуры как итога пожеланий заказчика, либо развития градостроительной ситуации, безусловно, применим, но его нельзя считать «сквозным» и единственным для столь большого отрезка времени. Интересы заказчиков и ментальность эпох слишком разноречивы, как и вероятные градостроительные ситуации.

«Подвижническо-центрическая» модель при некоей степени абстрактности обладает значительно большими возможностями адаптации к разным периодам, т.к. её изначальная мотивация – образование монашеского, подвижнического «ядра» – практически не зависит от веяний времени и характера окружения. Дальнейшие стадии фактически отображают классический тип эволюции монастырей, с той разницей, что мы из общей последовательности монастырской эволюции (абстрактно взятого монастыря) выделяем аспекты, касающиеся архитектурно-строительной эволюции и накопления профессиональных знаний зодчими. Графическое изображение «подвижническо-центрической» модели архитектурно-строительной эволюции храмов представлено на рис. 8.

Рис. 8. Графическое изображение логической модели локального формирования архитектурных «импульсов» храмового зодчества на основе традиционной модели развития монастыря, основанного особо чтимым монахом-подвижником. Условное название данной модели – «подвижническо-центрическая»

Созданная в процессе работы модель имеет существенные преимущества. Она позволяет экстраполировать результаты подвижнической деятельности на территории и времена, в буквальном смысле недоступные генераторам архитектурного творчества из других моделей (т.е. *генератору-заказчику* и *генератору* – градостроительной ситуации, поскольку их действие распространяется не далее их прямого влияния). В нашем же случае рассмотрение коррелятивных зависимостей как раз подтверждает устойчивые связи подвижнической жизни святых и последующих по времени всплесков архитектурного мастерства.

В духовном и культурно-историческом смысле, как совершенно очевидно, *не святые происходили от зодчих, а зодчие от святых*, но в ситуации развития монастырей по внутренним закономерностям часто рождалась и обратная связь на определённом этапе – зодчество вбирало в себя импульсы духовной жизни подвижников и становилось активно воздействующим на людей материальным зеркалом духовного развития.

Примеры архитектуры монастырей, развивавшихся по типу «подвижническо-центрической» модели

Модели, в которых главным генератором возведения храма (монастыря, комплекса) принимается частный заказчик или общая градостроительная ситуация, имеют существенный пробел. И этот пробел как раз составляют *навыки* зодчества, точнее, их особый род – умение создавать религиозный настрой, ясно видимую церковную принадлежность произведения архитектурного искусства. Например, директивно построенный Софийский собор Вологды многие исследователи считают маловыразительным по сравнению с другими соборами эпохи Ивана Грозного (хотя он, безусловно, имеет свои достоинства). Вобравший же в себя «воздух» монастыря Димитрия Прилуцкого Спасский собор, поставленный еще в отрочестве Грозного без его прямого влияния, при некоей стандартности имеет уникальные черты и более выраженную «теплоту» (рис. 9).

Рис. 9. Спасо-Прилуцкий монастырь, Вологда. Основан в 1371 году преподобным Димитрием Прилуцким, учеником преподобного Сергия. Вид сверху. Регулярность генплана отсутствует

История становления и развития Макарьева Желтоводского Унженского монастыря также проявляет связь между «иррациональностью» или нерегулярностью развития композиции генплана, формирования силуэтов и общей тектоники всего монастырского комплекса. Основанный, подобно Соловецкому, в 30-х годах XV века, монастырь этот родился и устоял в невзгодах исключительно благодаря монашескому подвигу преподобного Макария, а затем преподобного Авраамия. «Картину растущего крепкого хозяйства рисует «Духовная изустная память строителя Макарьево-Желтоводского монастыря Авраамия», записанная в апреле 1640 г. сыном его попом Гаврилой Алексеевым: за рубленой деревянной оградой стояли деревянный же Троицкий собор с приделом Макария, церкви Михаила Малеина и Успения, да еще одна Никольская церковь в монастырской слободе» [27]. Можно предполагать, что композиция генплана в целом сохранилась (рис. 10).

Раннее и позднее Средневековье в целом не отличаются в отношении условий применимости предложенной нами логической модели для анализа эволюции храмовой архитектуры. Агиографические сведения показывают устойчивое сочетание событий по схеме «начало пустынножительства – образование братии – строительство развитого

монастыря». Например, житие прп. Герасима Болдинского сообщает: «После 26-летнего пребывания под руководством преподобного Даниила, святой Герасим, получив его благословение на отшельническую жизнь, поселился в смоленской земле, недалеко от г. Дорогобужа. <...> По особому видению он перешел на Болдинскую гору и здесь основал общежительный монастырь. В 1530 г. он воздвиг храм в честь Святой Троицы и построил келии для собравшейся братии. Кроме того, в 1553 г. он основал еще монастырь во имя Иоанна Предтечи в г. Вязьме, а затем в Брянском лесу на реке Жиздре св. Герасим воздвиг третью обитель в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. За девять лет до своей кончины преподобным был устроен еще монастырь близ Дорогобужа во имя Рождества Богородицы.» [28] (рис. 11).

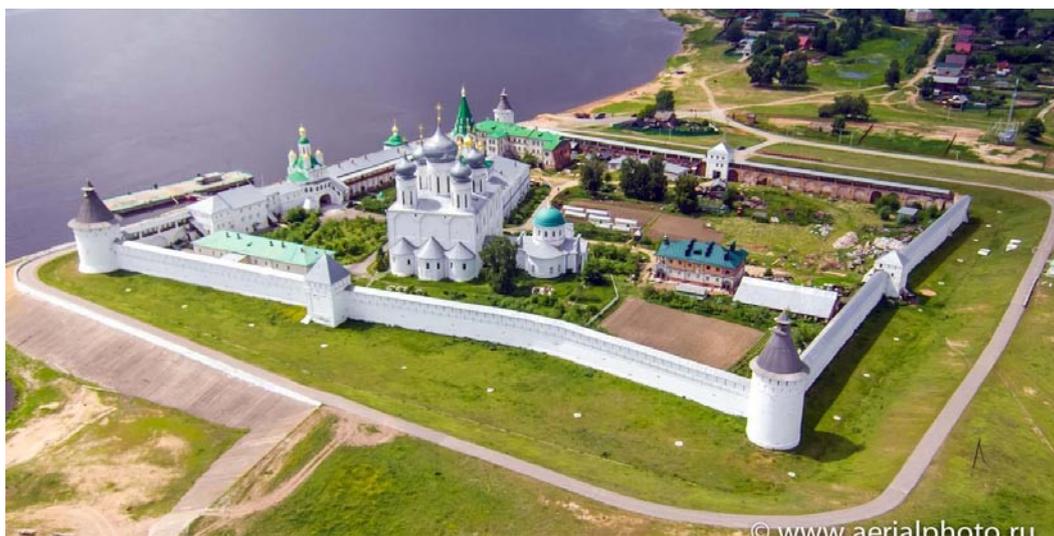

Рис. 10. Макарьев Желтоводский Унженский монастырь (так называемый «новый»). Основан преподобным Макарием Желтоводским и Унженским в 1434 году, перенесен им на нынешнее место в 1440-х годах по возвращении из плена. Каменные храмы возведены от вт. пол. XVII века до начала XIX века

Рис. 11. Свято-Троицкий Герасимо-Болдинский монастырь под Дорогобужем. Отчетливо выражена иррегулярность генплана. Характерно, что естественности внутреннего устройства не мешает регулярность квадрата стен

Александрo-Свирский монастырь в его нынешнем виде формировался с конца XV века, фактически сразу еще при жизни самого Преподобного, при непосредственном участии которого в 1533 году была начата в Троицкой части каменная Покровская церковь, ныне древнейший храм монастыря. Троицкая и Преображенская части монастыря образуют уникальное двухчастное устройство единой обители (рис. 12). Ни о какой линейной регулярности генплана и композиции в данном монастыре речь не идет.

Рис. 12. Александрo-Свирский монастырь. Показательный пример образования со временем «двухчастного» монастыря. На первом плане Троицкая часть монастыря

Пафнутьево-Боровский монастырь, основанный преподобным Пафнутием в 1444 году, также имеет свойственные «подвижническо-центрической» модели черты развития. Разница лишь в том, что первичное «ядро» по местоположению совпадает со «вторичным». Первый каменный храм Рождества Богородицы был начат еще при жизни преподобного Пафнутия и простоял около ста лет. Затем, по повелению царя Феодора Иоанновича в 1586 году был на том же месте возведен нынешний собор. Композиция монастыря в целом совершенно чужда регулярности и «директивности» (рис. 13).

Рис. 13. Пафнутьево-Боровский монастырь. Вид сверху. Также относится к числу монастырей, композиция которых развивалась «не директивным» путём.

Особой трогательностью также обладает внешне незамысловатая архитектура Мальского монастыря, расположенного близ Псково-Печерского монастыря (рис. 14). Этот монастырь можно считать типичным монастырем «никому не ведомых» географически, но духовно значимых уголков страны. Пространственная организация, т.е. совокупность архитектурных решений, включающих как архитектуру храма, так и устройство пространства в целом, становится зеркалом, отображающим первоначальное стремление монаха-основателя прп. Онуфрия Мальского (ум. в 1492 г.) к созданию неотмирного жития среди буйного и неправедного «мирского» уклада.

Рис 14. Общее расположение Мальского монастыря в ландшафте. Расположение храмов и колокольни образует «вольную», никак не регулярную и весьма слитную с природой композицию

Синодальный период, имевший неоднозначные последствия для эволюции зодчества в целом, в аспекте наших исследований не выпадает полностью, несмотря на явные светские императивы. Казалось бы, «подвижническо-центрическая» модель мало применима к событиям Синодального периода. Тем не менее, даже самый краткий анализ синодального периода (в контексте статьи) позволяет, на наш взгляд, достаточно достоверно показать собственно-монастырскую, «отшельническую» составляющую формирования монастырских комплексов. Светская составляющая очень метко названа священномучеником Иларионом (Троицким) «галереей» [29]. Грань между «экспозицией достижений искусств» и местом особо сосредоточенной молитвы так или иначе прослеживается.

Пример Дивеева: обитель, основанная матерью Александрой, первоначально имела Казанскую церковь, которая подобно первым (но не сохранившимся, как обычно) храмам старинных монастырей, стала собственно монашеским «ядром» дальнейшего развития. Казанская церковь как бы предваряет композицию (слева на рис. 15). Дальнейшее развитие монастыря, подвиги преподобного Серафима Саровского и нынешнее значение обители широко известны.

Пример Оптиной Пустыни: монастырь, существовавший достаточно давно (считается, что с XV века), претерпел тяжелейшие времена в синодальном периоде. Строительство главного Введенского собора велось «императивно» во второй половине XVIII века, когда монахов в монастыре были единицы («императивно» в том смысле, что малочисленная братия практически никак не могла повлиять на строительство, и возведение собора шло иждивением «внешних» людей). Развитие композиции произошло уже в XIX веке. Отпечаток регулярности, неизбежный для времени интенсивного строительства второй

половины XVIII века, определенным образом «растворяется» в сознании под воздействием собственно монастырского «воздуха», что создает принципиально отличное от гражданских ансамблей чувство архитектуры (рис. 16).

Рис. 15. Серафимо-Дивеевский монастырь. Общая композиция. Слева первоначальная Казанская церковь (1780-е гг.)

Рис. 16. Оптина Пустынь. Вид сверху (с запада). Справа от колокольни – храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы (1805–1811 гг.). Строгая регулярность оси от Введенского собора до колокольни значительно смягчается крестообразно расположенной осью, вдоль которой стоит Казанский храм и храм прп. Марии Египетской (слева от собора) – лирически несимметричные по отношению к собору

Характерно, что в истории монастыря сохранилось предание о возведении храма в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы по мотивациям, весьма сходным с указанными в старинных агиографических источниках – для тех ситуаций, когда изначальным духовным импульсом были определённые духовные откровения. В любом случае события, достоверность которых подтверждается *верой* человека, мы никак не можем считать «императивными». В случае возведения Казанского храма знаменательно, что пожертвовавшая основную сумму на храм козельская помещица Сабурова поверила в

достоверность видения, рассказанного ей иеромонахом Макарием, и обратила свое дотоле абстрактное желание построить храм в конкретный вариант строительства храма в стенах монастыря. Т.е. «второй цикл» подвижническо-центрической модели тут налицо. Мы видим, что композицию ансамбля создают люди, желающие своими трудами во славу Божию присоединиться к издревле существовавшему монашескому ядру, быть причастными к тому давнему молитвенному труду, ради которого некогда отшельниками возведен монастырь.

Монашеское начало в Оптиной сильнейшим образом являет Иоанно-Предтеченский скит, основанный в начале XIX века схимонахом Иоанникием. Скит сослужил до революции важную роль в развитии оптинского монашества. Естественно, он имеет своеобразные архитектурные черты и образует специфическую природно-архитектурную композицию с самим монастырем, причем композиция эта выполняет важную семантическую функцию (рис. 17). Скит это и «монастырь в монастыре», и напоминание о том, что духовное совершенствование не имеет «регламентных» ограничений – уединенность в прямом и переносном смысле означает уменьшение «возмущений» от мира и большее, чем даже в стенах общежительного монастыря, умиротворение.

Рис. 17. Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни. Удалённость скита невольно образует своеобразную композицию с самим монастырём, которая имеет не только ландшафтные особенности, но и несет смысловую нагрузку как архитектурное образование, предназначенное для особо уединённой молитвенной жизни. Даже при всей обособленности скит является неотъемлемой частью монашеского бытия монастырской братии

Известный всей России Спасо-Бородинский монастырь имеет компактную композицию, что объясняется особым значением места и скорым развитием монастыря. Мемориальное предназначение в значительной степени исключает внешнюю «художественность» и усложнённость композиции (рис. 18).

Общеизвестный пример подвижничества – Марфо-Мариинская обитель, основанная святой праведной княгиней Елизаветой Федоровной.

Примеры, приведенные на рис. 15–18, показывают существенные «гармонические» отличия монастырей синодального периода от старинных. Для собственно монашеской жизни в синодальном периоде был весьма важен сам факт образования новых обителей или восстановления из состояния запущенности старых. В отношении же архитектурной композиции и конкретных архитектурно-художественных решений можно, видимо, говорить о смене исподволь развивавшегося «соборного» типа мышления старинных зодчих и иррациональной композиции генплана на преобладание «авторских» произведений синодального периода, определяющих архитектурный облик. В смысле композиции генплана приведенные примеры синодального периода показывают более рационалистическое, более упрощенное и регулярное устройство. Собор монастыря – в этом случае часто императивно преобладающий над всеми малыми храмами и корпусами – «главный дом», расположенный близко к геометрическому центру, корпуса обступают его по периметру или «по ранжиру». Поэтичность старинных композиций, их непредсказуемость и умильность в какой-то степени уходят. Тончайшая гармония, например – Соловецкого монастыря, в смысле соотношения масс главного собора и ансамбля в целом оказывается практически недостижимой.

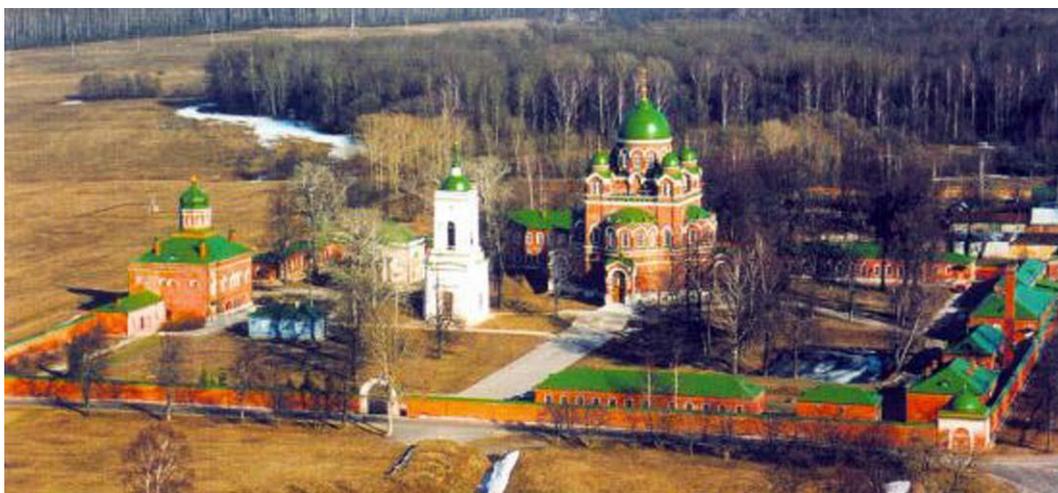

Рис. 18. Спасо-Бородинский монастырь, основанный вдовой генерала А.А. Тучкова М.М. Тучковой. Собор Владимирской иконы Божией Матери построен по проекту М.Д. Быковского, заложен в 1851 г.

Возможности анализа типологии композиций монастырей. Аспекты применения предложенной логической модели

Традиционно, понимание типологии объекта основано на его геометрических характеристиках. Говорить от «типологии» композиции монастырей сложно, но на наш взгляд возможны некоторые обобщения. Так, при развитии монастырей по общему типу «подвижническо-центрической» модели часто возникала «двухъядерная» схема развития композиции и генплана. Первое «ядро», меньшее по размерам, но главное по значимости, образовано первым (или наследующим его) храмом первого подвижника или его соратников и учеников. Второе «ядро» уже порождалось первым и образовано крупным соборным храмом, крупными колокольнями – как Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры. По мере вызревания второго «ядра» часто формировался нынешний генплан обители как таковой – возводились каменные стены с башнями и каменными корпусами.

Секуляризационные процессы XVIII века по существу создали предпосылки для развития «средних» по отношению к монастырским храмов, в основном приходского назначения, и, как следствие, произошел сдвиг в сторону приемов гражданского архитектурного творчества, привносимых светскими архитекторами. Можно, видимо, даже говорить о том,

что ослабление тенденций рассматриваемого нами сугубо монастырского развития зодчества также повлияло и на семантические изменения в архитектуре храмов (например, пронзительные слова Е.Н. Трубецкого о появлении привкуса «домашней утвари» в храмовой архитектуре явно адресованы не монастырскому зодчеству, а к противо-аскетическому набору приемов относительно позднего времени) [21].

Объединяя вышеизложенное, выдвинем предположение о том, что в целом картина эволюции монастырского зодчества в отношении типологии характеризуется суммой процессов, в которые входят не только культурно-исторические, собственно архитектурные и строительно-технологические компоненты, но и процессы, которые можно назвать *нравственно- и церковно-историческими*. Стремление правителей России с первой трети XVIII века «вытеснить» церковное влияние в обществе отобразилось в длительном доминировании не монастырского, а приходского храмового зодчества, что не могло не сказаться на типологии вновь возводимых храмов. И лишь ко второй половине – концу XIX века в отдельных случаях новые монастырские соборы обрели силу звучания, сопоставимую со средневековым. Исключение, видимо, составляют только монастырские соборы Санкт-Петербурга, но это скорее единичное явление.

О современных подходах к восстановлению монастырей

В современности монастырское зодчество, как правило, находится в стадии простейшего возобновления из руин, возврата к вариантам эклектичного и «многослойного» предреволюционного состояния архитектуры за редким исключением глубокой реставрации, приближенной по решениям к изначальным состояниям. Поэтому говорить о мере архитектурного осознания затронутых в статье проблем в смысле современного проектирования в нашем контексте, как правило, сложно.

Пример почтения к монастырскому окружению и понимания необходимости живой взаимосвязи «старого и нового» в отношении архитектуры сопутствующих зданий представляет собой гостиница Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью (2010-е годы). Гостиница расположена под горой, она не перекрывает вид от монастыря и на монастырь. Неформалистический историзм в сочетании с современной комбинаторикой и согласованностью с общей гармонией монастырского комплекса показывают нечастый для современности результат (рис. 19а). И, напротив, непродуманные решения прослеживаются в возведённой также недавно паломнической гостинице Свято-Алексиевского женского монастыря в Саратове – она алогична даже для нынешнего, практически современного устройства монастыря, т.к. тяготеет к утилитарному жилому зданию. Помимо того, звучность композиций старинных монастырей, видимо, связана с отсутствием именно вот таких категоричных решений в смысле перекрытия этим корпусом обзора на прекрасную долину (рис. 19б). Не приводя иллюстрации, скажем, что от подобных же причин сильнейшим образом пострадала ландшафтно-средовая гармония Деревяницкого монастыря в Великом Новгороде, застроенного в XIX веке корпусами со стороны Волхова (ранее ансамбль создавал панораму с охватом не менее версты по Волхову).

Возведение новых храмов в ранее пострадавших от разрушений монастырях представляет собой отдельную тему, выходящую за рамки данной работы; подчеркнем лишь, что новое проектирование требует особо внимательного отношения к восстановлению и художественно-исторической составляющей и к учёту существовавших «нравственно-исторических» процессов, т.е. к атмосфере прежней монашеской жизни.

Также необходимо сказать и о том, что генпланы или общая композиция монастырей требуют особенно тактичной проработки. Примеры обителей, где композиция развивалась медленно, поэтапно, подчиняясь внутреннему ходу монастырской жизни, говорят о важности каждого элемента – от келейных корпусов до хозяйственных служб.

Идейное «бегство от старины» имеет шанс вылиться в утрату тепла, в формализацию атмосферы монастыря.

Рис. 19. Новые паломнические гостиницы: а) Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью, 2010-е годы; Свято-Алексиевского женского монастыря в Саратове

В качестве постулатов для дальнейшего обсуждения и развития на данном этапе разработки проблемы, возможно, сформулировать следующие выводы:

1. В работе предложена «подвижническо-центрическая» модель развития монастырского зодчества. Суть модели в том, что этап скрытого созревания монастырской архитектуры занимал от полувека до приблизительно полутора веков при минимальных размерах первых храмов и строений. После накопления монашеского духовного опыта наступал этап обратной связи, т.е. начинался приток людей и средств в монастырь и, как следствие, активное строительство крупных храмов, архитектура которых впитывала в себя монашескую предысторию развития обители. Данная модель, прежде всего, характерна для допетровской эпохи;

2. Предложенная *подвижническо-центрическая* модель позволяет сравнивать этапы «пошаговой» эволюции храмового монастырского зодчества в совершенно различных регионах и временных периодах. Основным свойством данной модели является то, что согласно ей *приносимые из «мира» в сложившуюся уже обитель стилиевые и технологические архитектурные навыки* перерождаются в *семантическое выражение ранее вызревших (религиозных) монашеских мотиваций*;

3. *Подвижническо-центрическая* модель эволюции позволяет объяснить некоторые типологические стереотипы зодчества. Один стереотип – малый храм – далее вековое (условно) внутреннее развитие обители – затем крупный собор. Совершенно иную типологическую линию, на наш взгляд, образует последовательность *приходских* храмов, формировавшихся, в первую очередь, под воздействием светских, общегражданских мотиваций, что было свойственно синодальному периоду;

4. Несмотря на изменения структуры устройства монастырского управления, хозяйства и быта с XVIII века, говорить о полной «секуляризации» самой подвижническо-центрической модели неуместно. Такие новообразованные или возрождённые духовные центры Синодального периода, как Дивеево, Оптина Пустынь и др. полностью сформировались до 1917 года и ныне многие из них приобрели значение общероссийских. «Подвижническо-центрическая» модель развития и монастырей и их архитектуры существовала вплоть до революции, о чём говорит деятельность св. Вел. Кн. Елизаветы и других подвижников того времени;

5. В современном проектировании монастырских храмов и сопутствующих зданий социального назначения логика и алгоритм «подвижническо-центрической» модели может служить связью, мостом для воссоздания профессиональных связей с многогранным и неоднозначным опытом любых временных пластов и любых регионов. Эта модель позволяет избрать целью проектирования не авторское самовыражение или стилевое подражание, а идею семантического выражения ранее существовавшего духовного «ядра» обители, что может быть полезно как при поиске вариантов реставрации, так и при реконструкции полностью утраченных храмов.

Источники иллюстраций:

Рис. 1. URL: <http://old.stsl.ru/lib/book7/t19.htm> (дата обращения март 2018 г.)

Рис. 2. URL: <https://pastvu.com/p/a/c/2/p/c2p5erd614pza1bs4g.jpg> (дата обращения январь 2017 г.)

Рис. 3. URL:

http://static.tonkosti.ru/images/7/75/Крестовоздвиженский_собор%2C_1660_г.%2C_Кий-остров.jpg (дата обращения январь 2017 г.)

Рис. 4. URL: http://iveron.ru/wp-content/uploads/2016/01/DJI_0756.jpg

Рис. 5. Фото Гендлина Ю.Б., август 2011 г.

Рис. 6. Фото Петрова-Спиридонова Н.А., июнь 1993 г.

Рис. 7. Фото Петрова-Спиридонова Н.А., июнь 2015 г.

Рис. 8. Схема авторов.

Рис. 9. URL: http://www.mytravelbook.org/object_foto/2016/02/Spaso-Priluckii_monastyr_1.jpg

Рис. 10. URL: <http://www.aerialphoto.ru/wp-content/uploads/2017/06/Nizhny-3563.jpg>

Рис. 11. URL: http://photos.wikimapia.org/p/00/05/20/48/81_big.jpg

Рис. 12. URL: https://img-fotki.yandex.ru/get/53145/138697169.27b/0_1669b8_f94a1c3b_XL.jpg

Рис. 13. URL: <http://s4.fotokto.ru/photo/full/450/4506926.jpg>

Рис. 14. URL: <http://inpskov.ru/img/cache/1161/702x468/6.jpg>

Рис. 15. URL: <http://buro-nnov.ru/wp-content/uploads/diveevo-22.jpg>

Рис. 16. URL: <http://ananda-sangha.ru/wp-content/uploads/2016/04/unnamed-1.jpg>

Рис. 17. URL: <https://pbs.twimg.com/media/DLyziisWAAEZ8ao.jpg>

Рис. 18. URL: http://kotlovka.ru/pgallery/albums/userpics/10002/normal_802_13.jpg

Рис. 19а. Фото Петрова-Спиридонова Н.А., март 2015 г.

Рис. 19б. Фото Петрова-Спиридонова Н.А., сентябрь 2016 г.

Литература

1. Лонгин (Корчагин), Епископ Саратовский и Вольский. Человек не может жить без Бога: статьи, беседы, ответы на вопросы. – Саратов: Издательство Саратовской Епархии, 2010. – 367 с., – С. 51.
2. Бондаренко И.А. Образ Тверди небесной в традициях храмового зодчества. В сб. Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. – М., Едиториал УРСС, 2004. – С.45-62.
3. Вятчанина Т.Н. Архитектурная традиция и пути русского благочестия во второй половине XV – первой половине XVI веков (К проблеме взаимовлияния). В сб. Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. – М., Едиториал УРСС, 2004. – С.85-107.
4. Гуляницкий Н.Ф. Крестово-купольный храм Древней Руси и греко-античная традиция // Архитектура мира. Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре. – М., 1993. – С. 165-172. URL: <http://www.rusarch.ru/gulianitsky2.htm>

5. Заграевский С.В. Типологическое формирование и базовая классификация древнерусского церковного зодчества. Saarbrücken, 2015. URL: <http://www.rusarch.ru/zagraevsky35.htm>
6. Сукина Л.Б. «Предписанное» благочестие и храмоздательство в Русском государстве XVI – первой трети XVII в. (Памятники архитектуры как источники исследования религиозной практики позднего русского средневековья). В кн.: Человек верующий в культуре Древней Руси. Материалы международной научной конференции 5–6 декабря 2005 года. – СПб., Издательство «Лемма», 2005. URL: <http://www.rusarch.ru/sukina1.htm>
7. Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. – М.: Архитектура-С., 2016. – С. 19-209.
8. Щенков А.С. Проблемы иконографии храма // Об иконографии и тектонике православного храма. – М., 1996. – С. 9–21. URL: <http://www.rusarch.ru/shenkov3.htm>
9. Баталов А.Л. Богоявленский собор ростовского Авраамиева монастыря и многопридельные храмы Северо-Восточной Руси второй половины XVI в. В кн.: История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1991 г. – Ростов, 1991. URL: <http://www.rusarch.ru/batalov9.htm>
10. Бусева-Давыдова И.Л. Архитектура XVII века. В кн.: Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI– XVII века. – М.: Ладомир, 1996. – С. 426-457. <http://www.rusarch.ru/buseva1.htm>
11. Заграевский С.В. Методологические проблемы изучения канона, символики и пропорций в православной храмовой архитектуре. – М., 2016. URL: <http://www.rusarch.ru/zagraevsky48.htm>
12. Павлов Н.Л. О византийских истоках итальянского ренессанса // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – № специальный выпуск. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/special/pavlov/abstract.php>
13. Петров Д.А. Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря в его отношении к новгородской архитектуре первой пол. XVI в. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1998. – С. 193 – 217.
14. Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. – М.: Северный паломник, 2011. – С. 67-85.
15. Барановский П.Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. URL: <http://www.rusarch.ru/baranovsky2.htm>
16. Буров В.А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV – XIX веков. Монография. – Архангельск, 2011. – С. 200-203.
17. Кавельмахер В.В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? В кн.: Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. – М., 1998. – С.154–179. URL: <http://www.rusarch.ru/kavelmakher13.htm>
18. Раппопорт П.А. Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества. В кн. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. – СПб, 1993. – С. 255-269. URL: <http://www.rusarch.ru/rappoport6.htm>

19. Савицкая О.Д. Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. – М., 1980. URL: <http://www.rusarch.ru/savitskaya1.htm>
20. Лихачёв Д.С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси. – С. 1-6. URL: <http://www.litru.ru/?book=79402&description=1>
21. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. Умозрение в красках. URL: <http://lib.ru/CULTURE/TRUBECKOJ/ikony.txt>
22. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Изд-во Братства во имя св. блгв. Князя Александра Невского. Переяславль-Залесский, 1997. – С. 544.
23. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств. В сб. «Христианство и культура». – М.: Изд-во АСТ Фолио, 2001. – С. 508-520.
24. Петров-Спиридонов Н.А. Природа, духовные идеалы и технические знания в архитектуре Соловецкого монастыря // Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. – М.: 2011., – С. 129.
25. Нектарий (Антонопулос), Митрополит. Больницы – изобретение Церкви. О святом Василии Великом и его «Василиаде». URL: <http://www.pravoslavie.ru/67487.html>
26. Феодосий Великий, преподобный. Житие. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-feodosij-velikij-kinoviarh>
27. Агафонов С.Л. Макарьев на Волге. URL: www.rusarch.ru/agafonov2.htm
28. Герасим Болдинский, Преподобный. Житие. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life966.htm>
29. Иларион (Троицкий), свщмч. Письма о Западе. Письмо третье. Кёльнский собор. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Troitskij/pisma-o-zapade/1_3

References

1. Longin (Korchagin), Episkop Saratovskij i Vol'skij. *Chelovek ne mozhet zhit' bez Boga: stat'i, besedy, otvety na voprosy* [Man cannot live without God: articles, interviews, answers to questions.] Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoj Eparhii, 2010, 367 p., p. 51.
2. Bondarenko I.A. *Obraz Tverdi nebesnoj v tradicijah hramovogo zodchestva. V sb. Hristianskoe zodchestvo. Novye materialy i issledovanija* [The image of the Firmament in the tradition of temple architecture. In the collection of Christian architecture. New materials and research]. Moscow, Editorial URSS, 2004, pp. 45-62.
3. Vjatchanina T.N. *Arhitekturnaja tradicija i puti russkogo blagochestija vo vtoroj polovine XV – pervoj polovine XVI vekov (K probleme vzaimovlijanija). V sb. Hristianskoe zodchestvo. Novye materialy i issledovanija* [Architectural tradition and the ways of Russian piety in the second half of XV – first half XVI centuries (the problem interaction). In the collection of Christian architecture. New materials and research]. Moscow, Editorial URSS, 2004. pp. 85-107.
4. Guljanickij N.F. *Krestovo-kupol'nyj hram Drevnej Rusi i greko-antichnaja tradicija. Arhitektura mira. Zapad – Vostok: vzaimodejstvie tradicij v arhitekture* [Cross-domed Church of Ancient Russia and Greek-the ancient tradition. World Architecture. West – East: the interaction of traditions in architecture]. Moscow, 1993. p. 165-172. Available at: <http://www.rusarch.ru/gulianitsky2.htm>

5. Zagraevskij S.V. *Tipologicheskoe formirovanie i bazovaja klassifikacija drevnerusskogo cerkovnogo zodchestva* [Typological formation and the basic classification of the old Russian Church architecture]. Saarbrücken, 2015. Available at: <http://www.rusarch.ru/zagraevsky35.htm>
6. Sukina L.B. «Predpisannoe» blagochestie i hramozdatel'stvo v Russkom gosudarstve XVI – pervoj treći XVII v. (*Pamjatniki arhitektury kak istochniki issledovanija religioznoj praktiki pozdnego russkogo srednevekov'ja*) ["Prescribed" piety and hramostroitel'stva in the Russian state of XVI – first third of the XVII century (the Monuments as sources for the study of religious practice of late Russian middle ages). In the book: A believer in the culture of Ancient Rus. Materials of the international scientific conference on 5-6 December 2005]. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Lemma», 2005. Available at: <http://www.rusarch.ru/sukina1.htm>
7. Shvidkovskij D.O. *Istoricheskij put' russkoj arhitektury i ego svjazi s mirovym zodchestvom* [The historical path of Russian architecture and its connection with the world architecture]. Moscow, Arhitektura-S, 2016, pp. 19-209.
8. Shhenkov A.S. *Problemy ikonografii hrama. Ob ikonografii i tektonike pravoslavnogo hrama* [The problem of the iconography of the temple. About iconography and tectonics of the Orthodox Church]. Moscow, 1996, pp. 9–21. Available at: <http://www.rusarch.ru/shenkov3.htm>
9. Batalov A.L. *Bogojavlenskij sobor rostovskogo Avraamieva monastyrja i mnogopridel'nye hramy Severo-Vostochnoj Rusi vtoroj poloviny XVI v. V kn.: Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy konferencii 1991 g* [Cathedral of the Epiphany in the Rostov Avraamiev monastery and the multi-altar Churches of North-Eastern Russia of the second half of the XVI century In the book: The history and culture of Rostov land. Materials conference, 1991]. Rostov, 1991. Available at: <http://www.rusarch.ru/batalov9.htm>
10. Buseva-Davydova I.L. *Arhitektura XVII veka. V kn.: Hudozhestvenno-jesteticheskaja kul'tura Drevnej Rusi XI– XVII veka* [The architecture of the XVII century. In the book: Artistic and aesthetic culture of Ancient Russia XI– XVII century]. Moscow, Ladomir, 1996, pp. 426-457. Available at: <http://www.rusarch.ru/buseva1.htm>
11. Zagraevskij S.V. *Metodologicheskie problemy izuchenija kanona, simboliki i proporcij v pravoslavnoj hramovoj arhitekture* [Methodological problems in the study of the Canon, symbols and proportions in the Orthodox temple architecture. Moscow, 2016. Available at: <http://www.rusarch.ru/zagraevsky48.htm> p. 1-5
12. Pavlov N.L. About Byzantine origins of Italian Renaissance. Architecture and Modern Information Technologies. 2015, Special Issue. Available at: <http://www.marhi.ru/eng/AMIT/2015/special/pavlov/abstract.php>
13. Petrov D.A. *Spaso-Preobrazhenskij sobor Soloveckogo monastyrja v ego otnoshenii k novgorodskoj arhitekture pervoj pol. XVI v* [Transfiguration Cathedral of the Solovetsky monastery in the relation to the Novgorod architecture of the first floor. XVI]. Arhangel'sk, Izd-vo Pomorskogo universiteta, 1998, pp. 193 – 217.
14. Sekretar' L.A. *Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostej* [Monasteries of the Velikij Novgorod and region]. Moscow, Severnyj palomnik, 2011, pp. 67-85.
15. Baranovskij P.D. *Sobor Pjaticnogo monastyrja v Chernigove* [Cathedral of the Pyatnitsky monastery in Chernigov]. Available at: <http://www.rusarch.ru/baranovsky2.htm>

16. Burov V.A. *Istorija kelejnoj zastrojki Soloveckogo monastyrja XV – XIX vekov. Monografija* [The history of the cell building of the Solovetsky monastery of the XV – XIX centuries. Monograph]. Arhangel'sk, 2011, pp. 200-203.
17. Kavel'maher V.V. *Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoj Odigitrii Novodevich'ego monastyrja? V kn.: Novodevichij monastyr' v ruskoj kul'ture. Materialy nauchnoj konferencii 1995 g.* [When could be built Cathedral of the Smolensk Virgin Hodegetria Novodevichy convent? In the book: Novodevichy convent in the Russian culture. Materials of scientific conference 1995]. Moscow, 1998, pp.154–179. Available at: <http://www.rusarch.ru/kavelmakher13.htm?>
18. Rappoport P.A. *Hronologicheskaja tablica razvitija drevnerusskogo zodchestva. V kn. Rappoport P.A. Drevnerusskaja arhitektura* [Chronological table of the development of ancient Russian architecture. In the book. Rappoport P. A. Ancient Russian architecture]. St. Petersburg, 1993, pp. 255-269. Available at: <http://www.rusarch.ru/rappoport6.htm>
19. Savickaja O.D. *Arhitektura Soloveckogo monastyrja* [Architecture of the Solovetsky monastery. Magazine Arhitekturno-hudozhestvennye pamjatniki Soloveckih ostrovov]. Moscow, 1980. Available at: <http://www.rusarch.ru/savitskaya1.htm>
20. Lihachjov D.S. *Gradozashhitnaja semantika Uspenskih hramov na Rusi* [The defense of the city semantics of the Assumption churches in Russia]. Available at: <http://www.litru.ru/?book=79402&description=1>
21. Trubeckoj E.N. *Tri ocherka o ruskoj ikone. Umozrenie v kraskah* [Three essays on the Russian icon. Mindset in paints]. Available at: <http://lib.ru/CULTURE/TRUBECKOJ/ikony.txt>
22. Uspenskij L.A. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi* [The theology of icons of the Orthodox Church]. Izd-vo Bratstva vo imja sv. blgv. Knjazja Aleksandra Nevskogo. Perejaslavl'-Zalesskij, 1997, pp. 544.
23. Florenskij P.A. *Hramovoe dejstvo kak sintez iskusstv. V sb. «Hristianstvo i kul'tura»* [The temple acts as a synthesis of the arts. In the book "Christianity and culture"]. Moscow. Izdatelstvo AST Folio, 2001, pp. 508-520.
24. Petrov-Spiridonov N.A. *Priroda, duhovnye idealy i tehniczeskie znanija v arhitekture Soloveckogo monastyrja* [Nature, religious ideals and technical knowledge in the architecture of the Solovetsky monastery. collection of articles. Proceedings of the International scientific-practical conference of the faculty, students and young scientists]. Moscow, 2011, p. 129.
25. Nektarij (Antonopulos), Mitropolit. *Bol'nicy – izobrenenie Cerkvi. O svjatom Vasilii Velikom i ego «Vasiliade»* [The hospital is an invention of the Church. About Saint Basil the Great and his "Vasiliadi"]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/67487.html>
26. Feodosij Velikij, prepodobnyj. *Zhitie* [Saint Feodosij the Grate. Life]. Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-feodosij-velikij-kinoviarh>
27. Agafonov S.L. *Makar'ev na Volge* [Makar'ev's monastery on the Volga river]. Available at: www.rusarch.ru/agafonov2.htm
28. Gerasim Boldinskij, Prepodobnyj. *Zhitie* [Saint Gerasim Boldinskij. Life]. Available at: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life966.htm>
29. Ilarion (Troickij), svshhmch. *Pis'ma o Zapade. Pis'mo tret'e. Kjol'nskij sobor* [Letters about the West. Letter third. Cologne Cathedral]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Troitskij/pisma-o-zapade/1_3

ОБ АВТОРАХ

Петров-Спиридонов Николай Александрович

Старший преподаватель, кафедра «Храмовое зодчество», кафедра «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: nicnord@mail.ru

Коротаев Николай Александрович

Старший преподаватель, кафедра «Храмовое зодчество», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: nikolyasarkozi@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS

Petrov-Spiridonov Nickolai

Senior Lecturer, Chair «Church Architecture», Chair «Architectural Practice», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: nicnord@mail.ru

Korotaev Nickolai

Senior Lecturer, Chair «Church Architecture», Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: nikolyasarkozi@inbox.ru